

УДК 327.312

Н.Б. Ем

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

E-mail: Yem.Natalya@kaznu.kz

Женщины Центральной Азии в браке миграции Южной Кореи (половые диспропорции как фактор брачного рынка межэтнического брака)*Данная работа была подготовлена при поддержке
Korea Foundation Fellowship for Field Research 2013*

Автор выделяет необходимость всестороннего научного анализа динамики межнациональных браков корейцев Узбекистана и Казахстана в Южной Кореи. На развитие трансграничной брачности среди этнических корейцев влияет одна из демографических характеристик, такая, как половое соотношение Южной Кореи. Одним из истоков данной проблемы видятся патриархальные взгляды построения семьи в Кореи. Выборочные аборт плодов женского пола стали серьезной проблемой в Кореи особенно с появлением УЗИ плода в начале 1980-х. В результате в 2000-е годы вырастает поколение корейских граждан, вступающих в брачный возраст, половая диспропорция которых повлияла на увеличение межэтнических браков с мигрантами-женщинами, в том числе из стран Центральной Азии.

Ключевые слова: женщины, Центральная Азия, Южная Корея, селективный аборт, брачный рынок.

N.B. Yem

**Central Asian Women Married South Korean Migration
(Sexual Imbalance as a Factor of the Marriage Market of Inter-Ethnic Marriage)**

The author highlights the need for a comprehensive scientific analysis of the dynamics of inter-ethnic marriages of Koreans in Uzbekistan and Kazakhstan in South Korea. On the development of cross-border marriages among ethnic Koreans is affected by one of the demographic characteristics, such as sex ratio in South Korea. One of the roots of the problem is seen as patriarchal attitudes of building family in Korea. Selective abortion of female fetuses has become a serious problem in Korea, especially with the advent of ultrasound examination of the fetus in the early 1980s. As a result, in 2000-th generation grows Korean nationals entering age, gender imbalance which has influenced an increase in inter-ethnic marriages with migrants, including from Central Asian countries.

Keywords: women, Central Asia, South Korea, selective abortion, marriage market

Н.Б. Ем

**Орта Азия әйелдерінің Оңтүстік Кореядағы миграциядағы некелері
(неке нарығының этнос аралық ақау факторы ретіндегі жыныс диспропорциясы)**

Автор Оңтүстік Кореядағы Өзбекстан және Қазақстан кәрістерінің ұлтаралық ақауларының серпіннің жан-жақты ғылыми талдауының қажеттілігін ерекшелейді. Этникалық кәрістердің арасындағы шекарааралық некеліктің дамуына жыныс ара қатынасы сияқты демографиялық мінездеме әсер етеді. Осы мәселенің бастауларының бірі Кореяның отбасы құруына деген патриархаттық көзқарас болып табылады. 1980 жылдардың басында, әсіресе УЗД-ның шығарылумен бірге әйел адамдардың түсік жасауы Кореяда қиын мәселеге айналды. Нәтижесінде 2000 жылдары жыныс диспропорциясы мигрант-әйелдермен, оның ішінде Орта Азия ұлт өкілдерімен, ұлтаралық ақауларының көбейуіне әсер етіп, неке жасына келген Корея азаматтарының ұрпағының жасы өсті.

Түйін сөздер: әйелдер, Орта Азия, Оңтүстік Корея, тандаулы түсік, неке нарығы.

Наиболее многочисленными корейские диаспоры среди семимиллионного населения зарубежной корейской общности сосредоточены в Китае, Японии, США, а также странах бывшего СССР. Сегодня, на территории бывшего СССР проживает около полумиллиона корейцев, из них: 176 тыс. – в Узбекистане, 149 тыс. – в России, около 100 тыс. – в Казахстане, около 30 тыс. – в Украине. Среди них выделяются страны Центральной Азии с более чем 0,5 % корейского населения: Узбекистан и Казахстан. По данным статистики Южной Кореи, среди мигрантов Центральной Азии в качестве брачных партнеров представлены граждане Узбекистана и Казахстана.

Корейские диаспоры в Центральной Азии в период с 1990-х годов испытывали на себе беспрецедентный процесс т.н. «периода национального возрождения». Распад Советского Союза, формирование постсоветских государств по национальному признаку привели корейцев Центральной Азии к четкой уверенности в своей родине, той, где родились их дети. В то время как немецкая, русская диаспоры испытывали на себе выбор скорейшей миграции на «исторические родины», корейцы Центральной Азии не имели заметных показателей миграционного сальдо в дальнее зарубежье. Небольшие процессы были зафиксированы на уровне внутренней миграции в государствах пребывания, а также небольшой активностью наиболее амбициозных слоев корейского населения, которые переезжают в силу экономических причин в соседние государства. Так, например, из Узбекистана, Киргизстана, Таджикистана корейцы мигрировали в Россию и Казахстан. Эти страны продемонстрировали в период постсоветского пространства наибольшую экономическую устойчивость в кризисные периоды. Заняв определенную нишу в социально-экономической деятельности своих стран, имея высокий уровень образования, корейцы были заняты почти во всех сферах жизнедеятельности общества. Психологическое самочувствие корейцев в академической литературе отмечалось как «удовлетворительное». По мнению многих, жизнь либо улучшилась, либо осталась прежней. Одновременно с появлением независимых постсоветских государств Центральной Азии начались взаимоотношения с Республикой Кореей, дипломатические договоры о сотрудничестве с которой страны подписали в начале

1990-х годов. Так началось первое знакомство с «исторической родиной». Преодолев первый всплеск возросшего интереса к истории, культуре и языку Южной Кореи, как воплощении «родины предков», корейцы стали налаживать экономические, социальные и культурные связи с Республикой Корея. В свою очередь, на территории стран Центральной Азии постепенно проникал южнокорейский капитал, который с одной стороны, давал возможность продвижения этнических корейцев в финансовом плане, с другой стороны позволил многим корейцам Центральной Азии воочию посмотреть Южную Корею, приблизиться к «земле предков». Так, первые миграционные потоки корейцев Центральной Азии в Южную Корею были связаны с поездками по вопросам бизнеса, образования и культуры. В свою очередь, представители разных кругов деятельности постепенно стали появляться на территории государств Центральной Азии, первоначально это были представители южнокорейских пресвитерианских миссий, дипломатические работники, представители сферы образования и культуры.

Начиная с конца 1990-х годов, в записях актов гражданского состояния Казахстана и Узбекистана стали появляться южнокорейские граждане в качестве брачных партнеров женщин Центральной Азии. Первоначально это были, как правило, этнические кореянки, подсознательно «тянувшиеся» к образу «мужчины в лучших корейских традициях». Статистики по международным бракам кореянок Центральной Азии в этих странах не проводилось. Известны лишь некоторые упоминания об участившихся таких случаях. В Казахстане и Узбекистане в целом международные браки не рассматриваются отдельно ни в статистических данных, ни в академических исследованиях. Такие случаи были достаточно редкими, они требуют лишь разъяснительной ситуации о порядке регистрации брака с гражданами другой страны. К примеру, по данным департамента внутренних дел Жетысуского района города Алматы, в отделе ЗАГС Управления юстиции по статистике регистрации браков граждан Республики Казахстан с иностранными гражданами за 9 месяцев 2011 года всего зарегистрировано: 987 актов записей о заключении брака, из них 70 – с иностранными гражданами, 14 – с гражданами дальнего зарубежья, 56 – с гражданами ближнего зарубежья [1].

Одновременно, статистические данные о межнациональных браках граждан Республики Корея демонстрирует появление графы Узбекистан (отдельно), а также страны Центральной Азии, как представителей постсоветского пространства, куда включаются граждане Казахстана, Киргизстана и Таджикистана. По данным статистических агентств Республики Корея, в 2011 году статус миграционного брака приобрели женщины из Узбекистана – 1788 человек, Киргизстана – 455, Казахстана – 213 [2].

Межкультурный брак южных корейцев в целом характеризуется как брак корейского мужчины с иностранной женщиной. В данной работе авторы делают попытку продемонстрировать такой демографический показатель, как соотношение полов в численности населения как фактор международного брака в Южной Корее. Значительное место здесь занимают особенности полового соотношения Южной Кореи и стран Центральной Азии. Авторы предполагают, что половое соотношение не является единственным фактором международного брака, однако, данная работа ограничивается только этим фактором. Особенности данного соотношения предполагают взаимосвязь с появлением и ростом смешанных браков между гражданами этих стран. Женщины Центральной Азии будут оставаться объектами выбора на брачном рынке, границы которого были расширены в последние десятилетия.

В данной работе автор выделяет категорию «гендерный дисбаланс» как неравномерное соотношение полов. Гендерный дисбаланс тесно связан с брачным кругом, как совокупностью возможных брачных партнеров. Брачный круг определяется системой норм общества, а также социально-экономическим положением партнеров, особенностями их личностных качеств. На формирование брачного круга, его динамику и состав значительно влияет ситуация на «брачном рынке». Диспропорция численности бракоспособных лиц в населении приводит к сужению брачного круга лиц одного пола, имеющих численный перевес (в этих условиях брачное состояние пополняется за счет лиц, которые прежде не рассматривались в качестве потенциальных брачных партнеров, т.е. брачные предпочтения ослабевают), и соответствует расширению брачного круга лиц другого пола.

Методологической основой работы послужили исследования в области демографии, социологии и статистики по вопросам проблем рождаемости и селективного отбора по полу рождения детей, а также статистические материалы Республики Корея, Узбекистана и Казахстана. В качестве исследовательского инструментария использовались статистический анализ документов, информативно-целевой и контент-анализ. Задачами ставилось определение особенностей полового соотношения в Республике Корея и странах Центральной Азии на примере Узбекистана и Казахстана, выявление роли практики селективного отбора в Республике Корея.

Одной из причин неравномерного соотношения полов среди населения Юго-Восточной Азии современные исследования видели практику селективного отбора рождений по полу. Предпочтение рождений сыновей имеет глубокие социальные, экономические и культурные корни во многих странах Юго-Восточной Азии, наиболее острой данная проблема существует для Китая, Индии и Южной Кореи.

Сравнительные исследования данной ситуации на примере Китая, Индии и Южной Кореи видели причину селективного отбора в патриархальной системе родства. Узвимость женщин в выполнении главных функций перед родителями подчеркнула преимущество предпочтительности сыновей в семьях [3]. Введение пренатальной скрининг-технологии в сочетании с более широким доступом к аборту сделало возможным выборочные аборты плодов женского пола. В результате экономическая ценность сыновей в этих странах приводила к падению рождаемости и сокращению численности женщин на брачном рынке этих стран. Исследования в странах Южной Азии делали акцент на тот факт, что выборочные аборты по признаку пола являются вопросом общественного здравоохранения, поскольку они способствуют высокой материнской смертности. Политика стран Южной Азии поразному решала вопросы гендерной дискриминации [4], среди стран Южной и Юго-Восточной Азии политика правительства Южной Кореи отмечалась как наиболее успешная, она «сократила рост соотношения полов посредством осуществления широких социальных мер по улучшению положения женщин и возможностей получения образования для девочек» [5]. Политика прави-

тельства Китая осуждалась как ориентированная на принуждение к селективному отбору, а не ориентированная на ликвидацию гендерной дискриминации [6]. Попытки правительства Индии на запреты выборочных аборт в 1994 и 1996 годах остаются менее успешными, хотя «постепенно препятствуют дальнейшему ухудшению гендерного дисбаланса» [7].

Патриархальные традиции семьи и проблемы низкой рождаемости в сельской местности Китая и Индии, вопросы экономического поведения домашних хозяйств в зависимости от правил наследования [8] оправдывали предпочтение рождения сыновей и практику селективного отбора. Экономическая составляющая в выборе пола ребенка проявлялась в вопросах подготовки приданого для девушек [9], размеры которого выросли в последнее время, что стало «попыткой имитировать поведение высших каст и убеждение, что приданое позволит найти лучших женихов». При этом актуальными оставались исследования сельской местности Китая [10] и Индии [11]. Прогнозы демографического развития ситуации соотношения полов в Китае к 2020 году выявляли её негативные последствия в отношении избыточного присутствия мужчин [12], опасности распространения ВИЧ инфекции [13].

Исследования проблемы снижения рождаемости как результат селективного отбора по полу обсуждались на примере других азиатских стран. Таким образом, в целом дискуссии по вопросам диспропорции в соотношении мужчин и женщин и вопросы селективного отбора пола ребенка получили наибольшее освещение в рассмотрении стран Азии. В академической литературе вопроса о селективном отборе по полу в рождении детей в странах Центральной Азии практически не было. Существует ряд работ по этой проблеме в Азербайджане, Армении, Кыргызстане, а также освещение в средствах массовой информации новой тенденции для населения стран постсоветского пространства в связи с новыми технологиями медицины последних десятилетий [14]. Таким образом, эта проблема только намечается, и если уделить своевременное внимание, как со стороны законодательных властей, так и академической общественности, то проблему гендерной диспропорции можно предотвратить.

На сегодняшний день для Южной Кореи все более справедливым становится ситуация, когда

предпочтения родителей в отношении пола будущего ребенка становятся менее значимыми, это начало происходить с середины 1990-х годов в связи улучшением экономической ситуации в семьях. Однако именно качественные изменения в законодательстве страны имели заметное влияние [15]. Таким образом, немаловажную роль в исправлении неблагоприятного соотношения мужских и женских рождений играет политика государства Республики Корея, которая была признана наиболее успешной. Однако существовали и критические замечания в адрес текущих «незначительных» изменений в решении гендерной проблемы, которые отражались в статистических сведениях о соотношении полов при рождении в Корее [16]. Изначально попытки государства были менее успешными, несмотря на то, что правительство принимает ряд важных мер. Статьи 269 и 270 Уголовного кодекса Кореи 1953 года запрещают аборт, предусматривающие наказание для беременной женщины и врача. В 1973 году статья 14 Закона о здоровье ребенка и матери создала систему исключений из этого общего запрета. Аборт может юридически быть выполнен, если один из родителей имеет наследственные или инфекционные заболевания; беременность является результатом изнасилования или инцеста; или если продолжение беременности может нанести вред здоровью матери. После периода двадцати четырех недель аборт был запрещен при любых обстоятельствах. Если женщина не квалифицировалась в качестве одного из перечисленных исключений, наказание для нее предусматривалось лишением свободы сроком до года и штрафом в 2 млн корейских вон, что оценивалось в сумму 1740 долларов США. Врач, который совершил аборт при отсутствии показаний, наказывался лишением свободы сроком до двух лет при условии, что вред оперированной женщине не был причинен. Если женщина пострадала во время аборта, наказание для врача увеличивалось до трех лет. Если же женщина умерла, врач мог быть заключен в тюрьму на срок до пяти лет. Кроме того, врач терял свою медицинскую лицензию сроком до семи лет [17].

Селективные аборт плодов женского пола стали серьезной проблемой в Корее с появлением доступности УЗИ в начале 1980-х. В 1987 году правительство Кореи вновь пытается пресечь практику выборочных аборт путем при-

нения закона, который запрещает врачам выявление гендерных характеристик плода беременных женщин. Наказанием для врачей, нарушающих закон, было лишение свободы до трех лет и штраф в размере до 10 миллионов вон (8700 долларов США). Тем не менее этот закон не добился успеха в предотвращении выборочных аборт, и соотношение мальчиков и девочек при рождении росло до середины 1990-х годов, после чего оно начало снижаться. Таким образом, правительство предпринимало определенные шаги в решении вопроса, но, несмотря на такие ограничения, закон редко соблюдался и аборты проводились повсеместно. По оценкам, число аборт, проведенных в 2005 году, последнем году, за который имеются данные, в более чем 340000 – цифра эквивалентна 80% от числа родившихся за этот год. В докладе Национального собрания, число достигает 1,5 млн. человек. Кроме того, было подсчитано, что только 4% из них были случаями с критериями, определенными законом в 1973 году. В 2010 году южнокорейское Министерство здравоохранения подсчитало, что 350 тысяч аборт в стране проводится каждый год, по другим оценкам, аборт были подвергнуты до 1,5 млн. человек [18].

Современная ситуация характеризуется спадом в практике аборт в Корею в последние годы. По данным Министерства здравоохранения, число аборт в 2010 году на каждые 1000 женщин фертильного возраста составило 15,8 в прошлом году, по сравнению с 17,2 в 2009 и 21,9 в 2008-х годах подсчет был основан на основе опроса 4000 женщин в возрасте от 15 до 44 лет [19]. Тем не менее в 2000-е годы на брачном рынке Южной Кореи приходит время родившихся в пик активного селективного выбора брачных партнеров. По данным статистических источников 2010 года, были прослежены характеристики соотношения по полу в разных возрастных когортах населения Южной Кореи [20].

Теоретики этнически смешанного брака одним из главных факторов в выборе брачного партнера определяли ограничения на брачном рынке, где кандидаты теоретически могут найти супруга. Учитывая, что средний брачный возраст составляет 19-29 лет, соотношение полов в 2010 году демонстрирует «нехватку» женщин на брачном рынке Южной Кореи. В возрастной когорте 15-19 лет соотношение равно 113.30, 20-24 лет – 113.70, 25-29 лет – 103.80. Шансы выйти

замуж за эндогамного партнера выше, если они чаще на повседневной основе взаимодействуют с членами одной группы. Насколько мужчины или женщины будут чаще вступать в межэтнический брак, во многих случаях зависит от брачного рынка. Брачный рынок, как правило, должен иметь соответствующее, сбалансированное соотношение мужского и женского населения брачного возраста. Таким образом, гендерные характеристики общества при изучении межэтнических браков имеют немаловажное значение и значительно влияют на их динамику.

Соотношение полов стран Центральной Азии, по данным 2001 года, демонстрирует значительное преимущество в численности населения женщин. Для России – 0,88; Казахстана – 0,93; Киргизии – 0,95; Узбекистана – 0,98; в то время как для Южной Кореи отношение мужчин к женщинам составляет – 1,01; а для Китая – 1,06.

Соотношение мужчин и женщин в Казахстане, по итогам переписи 2009 года не изменилось в сравнении с данными переписи 1999 года: на 1000 женщин в Казахстане по-прежнему приходится 929 мужчин, перевес женского населения над мужским составляет 51,8%. Численность мужчин составила 7712,2 тысячи человек, женщин – 8297,4 тысячи человек. Численность мужчин по сравнению с предыдущей переписью увеличилась на 496,8 тысяч человек или на 6,9%; численность женщин увеличилась на 531,5 тысяч человек или на 6,8%. По данным переписи населения, "соотношение численности мужчин и женщин сложилось с перевесом доли женского населения над мужским населением (51,8% и 48,2% соответственно). По переписям населения 1999 и 2009 годов на каждые 1000 женщин приходилось 929 мужчин. Если проследить тенденцию соотношения полов на протяжении последних лет, то данное соотношение мужчин и женщин было характерной особенностью населения Казахстана. 2003 – женщины (51,8), мужчины (48,2); в период с 2004 по 2009 годы соотношение оставалось одинаковым и составило – 51,9; 48,1. Если проследить соотношение полов по возрастным когортам, теоретически задействованным в брачном рынке при репродуктивной активности, то в возрасте 15-19 лет отношение составило – 0,96; в возрасте 20-24 – 0,98; возрастная когорта 25-29 – 0,9 [21].

В Узбекистане женщины составляют более половины населения (50.2% в 1999 г.) и 50.3% женского населения – детородного возраста (15-49). Учитывая то, что в среднем женщины в Узбекистане рожают первого ребенка в возрасте 21 года, и продолжают рожать в среднем через каждые 2.5 года, уровень рождаемости как мальчиков, так и девочек будет повышаться стабильно. Несмотря на сокращение количества членов в семье, средний размер семьи в 1999 г. составлял 5.5 детей (т.е. 6.1 детей в сельских регионах и 4.6 детей в городах). Отсутствие информации о практике селективных абортов в узбекском обществе предполагает, что население брачного возраста будет все больше «пополняться ресурсами невест из Узбекистана». Существующая в стране проблема гендерного неравенства почти во всех сферах жизнедеятельности общества, наличие традиций раннего вступления в брак создают условия для появления других брачных традиций. В условиях экономических трудностей в Узбекистане появляются так называемые «вторые семьи» нового класса богатых (новых узбеков), брак которых санкционируется исламской церемонией (никох). Женщины, вступив-

шие в полигамный брак по договору или религиозному обряду, становятся обыденностью в Узбекистане. Такое «излишнее» количество невест сможет создать условия для миграционного брака с гражданами Южной Кореи. Опыт общения с которыми был сформирован в результате активной трудовой миграции граждан Узбекистана в рамках ряда соглашений о трудовой миграции с Южной Кореей.

Таким образом, половое соотношение женщин и мужчин в странах Центральной Азии на примере Казахстана и Узбекистана может продемонстрировать вероятность построения отношений на брачном рынке, где существует как спрос со стороны мужчин Южной Кореи, так и предложение женщин в этих странах. Другой вопрос, что экономическое развитие Казахстана опережает существующую ситуацию в Узбекистане. Правовое положение, экономический и профессиональный статус женщин в Казахстане «выкидывает» на брачный рынок наиболее экономически незащищенные слои женского населения. Женщины Узбекистана в составе миграционных браков в Южной Корее представлены значительно больше, чем женщины Казахстана.

References

- 1 Registratsiia braka grazhdan Respubliki Kazakhstan s inostrannymi grazhdanami i litsami bez grazhdanstva// <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/30716> Data obrashcheniia 21.02.2013
- 2 Statistics to Marriage Immigrants // http://www.index.go.kr/egams/stts/jsp/potal/stts/PO_STTS_idxMain.jsp?idx_cd=2430 Дата обращения 21.02.2013
- 3 Hesketh, Therese. Selecting sex: The effect of preferring sons // *Early Human Development*. – 2011. – №87 (11). – P.759-761
- 4 Abrejo Farina Gul, Tasneem Shaikh Babar and Rizvi Narjis. «And they kill me, only because I am a girl»...a review of sex-selective abortions in South Asia // *The European Journal of Contraception and Reproductive Health Care*. – 2009. – №14 (1). – P.10-16
- 5 Rogers Wendy, Ballantyne Angela and Draper Heather. Is Sex-Selective Abortion Morally Justified and Should It Be Prohibited? // *Bioethics*. – 2007. – №21 (9). – P.520-524
- 6 Nie Jing-Bao. Limits of state intervention in sex-selective abortion: the case of China // *Culture, Health & Sexuality*. – 2010. – №12 (2). – P. 205-219
- 7 Moazam, Farhat. Feminist Discourse on Sex Screening and Selective Abortion of Female Foetuses. *Bioethics*. – 2004. – №18 (3). – P.205-220
- 8 Knight John, Shi Li & Quheng Deng. Son Preference and Household Income in Rural China // *Journal of Development Studies*. – 2010. – №46 (10). – P.1786-1805
- 9 Unnithan-Kumar Maya. Female Selective Abortion – Beyond ‘Culture’: Family Making and Gender Inequality in a Globalising India // *Culture, Health & Sexuality*. – 2010. – №12 (2). – P.153-166
- 10 Chu Junhong. Prenatal Sex Determination and Sex-Selective Abortion in Rural Central China // *Population & Development Review*. – 2001. – №27 (2). – P.259-281

11 Bandyopadhyay, Mridula. Missing Girls and Son Preference in Rural India: Looking Beyond Popular Myth // *Health Care for Women International*. – 2003. – №24 (10). – P.910-926

12 Poston Jr Dudley L., Conde Eugenia and DeSalvo Bethany. China's Unbalanced Sex Ratio at Birth, Millions of Excess Bachelors and Societal Implications // *Vulnerable Children and Youth Studies*. – 2011. – №6 (4). – P.314-320

13 Liu Huijun, Li Shuzhuo & Feldman M.W. Forced Bachelors, Migration and HIV Transmission Risk in the Context of China's Gender Imbalance: A Meta-Analysis // *AIDS Care: Psychological and Socio-medical Aspects of AIDS/HIV*, 2012. – №24 (12). – P.1487-1495

14 O provedenii selektivnykh abortov v Azerbaidzhane: "Vse khotiat rozhdeniia mal'chika" // <http://www.trend.az/life/health/2078305.html>; Rauf Orudzhev. Sootnoshenie polov pod ugrozoi. "Zerkalo", 08.11.2012// <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/gazeta031.php>; Prichinoi selektivnykh abortov v Armenii iavliaetsia zhelanie roditel'ei imet' syna – OON. Erevan, 19.10.2011 – *Novosti-Armeniiia* // http://rss.novostimira.com/n_1612923.html; Maksutova E. V Kyrgyzstane v rezul'tate selektivnykh abortov snizhaetsia rozhdaiemoi' devojchek. 01.02.2013. // <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1359726600> Data obrashcheniia 21.02.2013

15 Chung, Woojin. Gupta, Monica Das. The Decline of Son Preference in South Korea: The Roles of Development and Public Policy // *Population & Development Review*. – 2007. – №33 (4). – P.757-783

16 Chun, Heeran. Das Gupta, Monica. Gender Discrimination in Sex Selective Abortions and its Transition in South Korea // *Women's Studies International Forum*. – 2009. – №32 (2). – P.89-97

17 Wolman Andrew. Abortion in Korea: A Human Rights Perspective on the Current Debate over Enforcement of the Laws Prohibiting Abortion // http://law.hofstra.edu/pdf/academics/journals/jibl/jibl_vol9no1_wolman_abortion.pdf Дата обращения 21.02.2013

18 100320 South Korea Cracking Down On Abortions // <http://www.kumnsn.org/main/1590> Дата обращения 21.02.2013

19 Abortion rate on decline: health ministry. The Korea Times. 23.09.2011 // <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=104&oid=040&aid=000010991> Дата обращения 21.02.2013

20 Summary of Census Population 2010 (By administrative district/sex/age) // <http://kosis.kr/nsieng/view/stat10.do> Дата обращения 21.02.2013

21 Zhenshchiny i muzhchiny Kazakhstana. Statisticheskii sbornik / 2009 – 104 s. Pod redaktsiei Meshimbaevoi A.E. – S.8